

Дильбази справилась с этой задачей, смогла взволновать актера, игравшего роль Шаха Аббаса. Амина Дильбази не предстала здесь в виде куклы, обладающей способностью умелой танцовщицы шахского дворца. Она смогла создать образ живой, вдумчивой, эмоциональной, нежной, утонченной личности. Не случайно, что, вполне удовлетворенный снятым эпизодом, Михаил Чиаурели на следующий день послал за Аминой Дильбази машину, привез ее на студию и показал заснятые накануне кадры, и попросил А. Дильбази высказать мнение по поводу образа танцовщицы. Амина Дильбази понравилась представленная в кадрах танцовщица и заявила И.И. Арбатову, что она сама ничуть не хуже. Оказалось, что Амина Дильбази не смогла узнать себя в этом эпизоде. Лишь после повторного просмотра она узнала в этих кадрах себя. Этот момент привлекает внимание с точки зрения профессионализма. Фактически, танцовщица, играя этот эпизод, настолько внешне и внутренне перевоплотилась, что даже не смогла узнать себя. Это, действительно, показатель высокого мастерства.

Источники и литература:

1. Джавахир Р. М. Джафар Багиров приказал, чтобы я станцевала ему / Р. М. Джавахир // 525 газета. – 1997. – 29 октября. – на азерб. яз.
2. Ибрагим А. Танцовщица Амина Дильбази : альбом-монография / А. Ибрагим. – Баку : Ишыг, 2000. – 37 с. – на азерб. яз.
3. Гасанов К. Древние Азербайджанские народные танцы / К. Гасанов. – Баку : Ишыг, 1983. – 25 с. – на азерб. яз.

Маммадли Райиха Шаиг кызы СКИФСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕГО АЗЕРБАЙДЖАНА

УДК 75.03

Постановка проблемы. Археологические материалы Южного Азербайджана (северо-западного Ирана) показывают, что в VIII – начале VII в. до н. э. на всей этой территории распространяется единая археологическая культура с очень характерной керамикой художественным металлом. Именно в эту пору искусство всей этой территории, сохраняя связи с предшествующим, демонстрирует большое единство в образах и стиле.

Наиболее крупный массив художественных изделий этого периода обнаружен в местечке Зивие. Зивие – небольшая крепость, возведенная в конце эпохи железа. Крепость представляла собой резиденцию правителя округа. В ассирийских источниках при описании осады ассирийцами манейской крепости Изирта в 660-659 гг. до н. э. упоминается и попытка штурма крепости Узбиа.

Вероятно, в крепости было и здание дворцового типа с портиком, поддерживаемым колоннами. Дворец был декорирован глазурованными изразцами, подобными изразцам ассирийских дворцов в Ашшуре и Кальху.

Вместе с другими вещами были найдены обломки края и стенок большой бронзовой «ванны». Две точно таких же «ванны» обнаружены археологами в городе Уре (Вавилон). Там они были использованы для захоронений, но дату этих захоронений и их принадлежность с достоверностью установить не удалось. Определения колеблются между серединой VII – самым началом VI в. до н. э. Вещи эти выполнены в скифском стиле и происходят из какого-то одного центра. К тому же на сохранившихся кусках «ванны» из Зивие по верхнему ее краю резьбой изображена типичная для ассирийских памятников сцена «приношения дани». На другом фрагменте саркофага представлена сцена, также типичная для искусства Ассирии – козел, стоящий на сложной розетке.

Что же касается стиля изображения и мелких иконографических деталей, таких, как, например, форма прически, то они относятся к ранне-скифскому периоду – к концу VIII в. до н. э. Так или иначе, но находка «ванны» в Зивие, прежде всего, могла бы свидетельствовать о том, что этот клад был на самом деле богатейшим захоронением. В скифском стиле выполнена и часть золотых плакеток – детали парадных нагрудников ассирийских владык и украшения сбруи их коней. Их дата – также в пределах VIII, быть может, начала VII в. до н. э. Не исключено, что некоторые золотые плакетки, найденные в Зивие, украшали некогда деревянные колчаны и служили обкладками рукояти и ножен парадного царского меча. Там же найдены массивная золотая нижняя часть ножен меча, золотое навершие рукояти меча, серебряные и бронзовые детали конской сбруи, а также несколько экземпляров боевого оружия – два железных меча, наконечники стрел и наконечник копья. Наконец, среди предметов из Зивие, поступивших в разные музеи, находятся обломки золотой царской диадемы с розетками, серебряный диск, скорее всего, плоское блюдо, с золотыми аппликациями, несколько прекрасных керамических сосудов, изображения на которых выполнены в технике инкрустации.

В украшении этих вещей главное место занимают образы, которые правильно было бы отнести к скифским – олень, пантера, голова грифа, заяц, баран. Серебряный диск украшен концентрическими поясами золотых аппликаций: две пантеры в геральдической позе, головы грифов, свернувшиеся пантеры, зайцы. Бутероль занята изображением двух пантер, золотой пояс – фигурками барана и оленя, включенными в ромбовидный узор из ветвей «древа жизни», обломки диадемы – головами грифов и свернувшимися пантерами. Другие вещи, прежде всего, пектораль представляют смесь различных стилей;

два регистра пекторали заняты изображениями фантастических существ: в центре композиции – «древо жизни», по сторонам которого два вздыбившихся козла на верхнем регистре и два крылатых быка — на нижнем.

Эти фантастические существа – частью ассирийские или, точнее, почти ассирийские, частью урартские или, точнее, почти урартские, частью же «скифские» (например, свернувшаяся пантера и заяц на концах пекторали). Некоторые, не вполне ассирийские черты присутствуют и на тех вещах, принадлежность которых ассирийской знати почти не вызывает сомнений: например, на деталях парадного ассирийского нагрудника центр занят изображением двух крылатых божеств, крылатых баранов и процессией львов, «древо жизни» показано, скорее, в урартском варианте.

Обратимся вначале к памятникам «смешанного стиля». Почти на всех этих памятниках композиция строится по геральдическому принципу: она разворачивается симметрично по сторонам «древа жизни». Это «священное древо» представлено в Зивие в нескольких вариантах (не менее четырех), построенных по одному принципу – S-образные завитки в сложном переплетении, оканчивающиеся или шишечками пинии, или гранатовыми яблоками, или сложными цветами.

Похожие элементы составляют и разнообразные «древа жизни» костяных пластин – деталей мебели, найденных в ассирийских дворцах Нимруда. Эти костяные пластинки, однако, не ассирийские, а сиро-финикийские. На ассирийских, точнее «провинциально-ассирийских», костяных пластинах, происходящих из погребения в Зивие, «древо жизни» изображается иначе, хотя в нем присутствуют те же элементы.

По сторонам «древа жизни», как уже говорилось, разворачивается симметричная композиция, составленная из образов фантастических существ. Этим образов сравнительно немного: крылатый бык с человеческим лицом в высокой тиаре (ассирийский шеду – охранитель врат ассирийских дворцов), сфинкс, крылатое чудовище с телом быка и головой орла или грифа, крылатый баран, крылатый разъяренный лев с птичьим или скорпионьим хвостом и бычьими рогами, крылатый бык и, наконец, два крылатых гения – один в тиаре, с лицом и руками человека, но бычьими ногами, другой – с головой орла или грифона. Только эти восемь основных образов в разных сочетаниях повторяются и на пекторали, и на обкладках колчана, и на иных памятниках.

Часть этих «гениев» и «демонов» очень характерна для искусства Ассирии. Однако ни в одном из ассирийских памятников мы не заметим такого хаоса в изображении «злых» и «добрых» существ, такой случайности в их расположении. Некоторые из этих существ есть и в Урарту – заимствованные из ассирийского религиозного искусства, претерпев некоторые изменения в иконографии, они стали здесь символами различных местных богов. Наконец, некоторые из этих демонов встречаются в искусстве Северной Сирии, западного побережья Малой Азии и Ионии. И вся эта смесь присутствует на вещах в Зивие. Сфинкс здесь изображен в его ионийском и сиро-финикийском вариантах, крылатый баран напоминает баранов на костяных плакетках Нимруда, северо-ассирийский вариант представляет быко-человек, некоторые львы — типично урартские, хотя мелкие детали на всех изображениях (такие, например, как разделка крыльев) ближе всего к искусству Ассирии. Кажется ясным, что мастер Зивие, имея перед собой разнородные памятники, копирует некоторые из образов, не заботясь ни об их смысле, ни об их иконографии.

Было бы намного проще, если бы на вещах, которые мы условно отнесли к «смешанному стилю», встретились, положим, только «цитаты» из искусства Ассирии или только из искусства Урарту. Прибавив к этому «скифские цитаты», мы могли бы в результате объявить все эти изделия работой ассирийского или урартского мастера, сделанной по заказу скифского вождя – не наоборот, поскольку, как это будет ясно в дальнейшем, и сами «скифские звери» выполнены в ближневосточном стиле. Но все, что рассказано на предыдущих страницах, убеждает, скорее, в том, что это – изделия местных мастеров, не ассирийцев и не урартов. Нужно опять вспомнить предшествующие Зивие памятники. В Хасанлу мы найдем полные аналогии некоторым геральдическим композициям Зивие (например, бараны по сторонам «древа жизни») и некоторым чудовищам, но эти аналогии будут на полтора-два столетия раньше клада из Зивие. Среди сосудов Марлика, тоже более ранних, есть такие, где встретятся крылатые быки и крылатые бараны. Особенно много аналогий окажется в Луристане и среди «луристанских бронз», часть которых теперь, получила твердую дату – VIII в. до н. э., и среди плакеток и фибул, найденных в Сурх-е Дум, также VIII – начало VII в. до н. э. А если немного отвлечься от клада Зивие и вспомнить другие вещи, в особенности ритоны, найденные в этом районе, то количество аналогий возрастет. Может быть, пока это и преувеличение, но весь материал убеждает, что в некий период на этой территории из всего богатства образов соседних «больших культур» идет довольно строгий отбор, и в этом отборе не придается особенно серьезное значение той символике, которую имели эти образы в «больших культурах».

Вывод этот важен потому, что как раз те фантастические существа, которые встретились в Зивие, в конечной и самой богатой точке этого отбора попадут затем в искусство персов ахеменидской эпохи. Попадут, видимо, отсюда, а не непосредственно из Ассирии или Урарту. И смысл, который им придавали персы эпохи Ахеменидов, мог быть в принципе тем же, что и у мастеров Зивие. Кажется, что эту идею подкрепляет, пусть косвенно, еще один факт: фантастические существа (хотя и несколько непохожие по деталям иконографии), о которых идет речь, действительно широко представлены на памятниках Ближнего Востока в позднеассирийскую эпоху, но памятники эти, как правило, не громадные официальные рельефы, украшавшие дворцы ассирийских владык или урартское парадное оружие, а главным образом – личные печати или орнаментальные живописные панно, или костяные плакетки. В особенности много аналогий и отдельным образам и целым сценам находится на ассирийских цилиндрах конца VIII-VII вв. до н. э.

Описанная группа вещей, несмотря на то, что обзоры «чудищ», представленные на ней, могут быть сопоставлены с памятниками Ассирии, Урарту, Сирии, Финикии, относится, тем не менее, к какому-то новому стилю, весьма эклектичному, поразительному по сумме заимствований, но тем не менее самостоятельному. Мне кажется, что, несмотря на недостаток материалов и отсутствие прямых доказательств, мы вправе рассматривать вещи этой группы как памятники, относящиеся к заключительной стадии нового, открытого совсем недавно искусства северо-западного Ирана X-VII вв. до н. э. Это искусство, основанное на древних местных традициях, к VII в. до н. э. полностью меняет свою изобразительность: место древних образов и композиций (торевтика Хасанлу и Марлика), связанных, очевидно, с единым этносом, занимают образы и композиции, заимствующиеся иногда в качестве прямых «цитат», но чаще как «пересказ своими словами» из произведений искусства великих цивилизаций древности. К этим «прямым цитатам» и к этому «пересказу» добавляется новый пласт образов, который если и был известен на этой территории ранее, но до стадии Зивие не занимал столь значительного места в искусстве.

Рассмотрим самые показательные памятники из Зивие с такими изображениями.

Золотой пояс с оленем и бараном между стилизованными побегами «древа жизни» – в размещении изображений, в орнаментах, даже в размерах имеет точные аналогии в урартских бронзовых поясах, найденных в Закиме. Ани Пемза и на Кармир-Блуре (дата этих памятников VIII-VII вв. до н. э.). Здесь перед нами опять-таки «скифская цитата» или «пересказ» в ином смысловом окружении.

Серебряный диск с изображениями пантер, голов грифов и зайцев имеет ассирийскую центральную розетку, урартские орнаменты в центре и по краю и иероглифическую надпись на обороте, знаки которой очень напоминают урартские иероглифы, хотя и не тождественны им. Итак, опять – «цитата» или «пересказ», но еще более сложный, чем в предыдущем случае.

Наконец – золотое навершие рукоятки меча с изображением свернувшейся пантеры и грифа. Здесь в особенности интересно то, что тип свернувшегося зверя совершенно не характерен для искусства Древнего Востока и не получил в дальнейшем развития, но сам свернутый зверь выполнен в каноны искусства Ассирии и Урарту. А гриф, включенный в тело зверя, относится к той же ассирийско-урартской символической.

В районе озера Урмия скифские племена появляются, во всяком случае, не позднее 60-х гг. VII в. до н. э., а может быть, и раньше (об этом подробнее будет сказано ниже), и на первый взгляд не исключено, что именно они принесли с собой мотив оленя с поджатыми ногами и ветвистыми рогами, мотив пантеры, стилизованное изображение головы грифа и образ свернувшегося зверя. Однако сейчас нельзя указать ни на одну твердо датированную, происходящую из бесспорно скифского комплекса вещь, которая была бы старше или одновременна с вещами из Зивие. Вместе с тем, не говоря уже о позе оленя или барана, распространенной весьма широко на территории Ближнего Востока, именно такой образ оленя, как в Зивие, представлен на бронзовой бляхе – детали псалии – из района г. Харсина. Бляха эта бесспорно относится к тому кругу луристанских бронзовых псалий, самая поздняя дата которых VIII – начало VII в. до н. э. Ни заяц, ни гриф также не являются специфическими скифскими образами уже потому, что аналогии им мы встречаем в той же «луристанской бронзе». Так, например, голова грифа в весьма близкой стилизации украшает обух серии луристанских бронзовых топоров, датированных XII—X вв. до н. э. Аналогии отдельным иконографическим деталям голов грифа имеются в искусстве северных районов Ирана, отчасти – в искусстве Ассирии.

В Зивие известны два иконографических типа пантеры: один – лежащая, поджав лапы, другой – две пантеры во встречно-геральдической позе. Этот образ представлен не только на золотых обкладках и как аппликация на серебряном диске, он украшает литой золотой наконечник ножен меча и повторен на керамических сосудах. Многочисленные пантеры Зивие демонстрируют и развитие этого образа – лапы и хвост постепенно превращаются в кольца, треугольное сердцевидное ухо закругляется, глаз становится круглым, наконец, тело зверя свивается в кольцо. Эти этапы, нужно повторить, фиксируются только на памятниках Зивие, а что касается скифских пантер, например знаменитой келермесской, то здесь этот образ еще более стилизован, чем самый стилизованный образ из Зивие.

Выводы и перспектива. Таким образом, все эти образы и мотивы не оставляют ни малейшего сомнения в том, что большинство изделий из клада Зивие выполнены местными мастерами, прекрасно освоившими стиль и технологии скифской художественной металлообработки. Тема интересна, многоаспектна и требует научных исследований в перспективе.

Источники и литература:

1. Бретаницкий Л. С. Искусство Азербайджана / Л. С. Бретаницкий, Б. В. Веймарн. – М. : 1976.
2. Muscarella O.-W. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art / O.-W. Muscarella. – N. Y., 1988.
3. Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана / В. Г. Луконин. – М., 1977.